

ЛИТПОРТАЛ

Профессор А. Донда.

Станислав Лем.

Из воспоминаний Ийона Тихого

Эти строки я пишу на глиняных табличках, сидя перед своей пещеркой. Раньше я часто задумывался, как же это делалось в Вавилоне, но никак не мог предположить, что мне самому придется этим заняться. Тогда, наверное, глина была лучше, а может быть, клинопись больше подходит для такого случая. У меня глина то расплывается, то крошится, но все равно это лучше, чем царапать известняком по сланцу, - с детства не переношу скрежета. Теперь я уже не стану называть первобытную технику примитивной. Прежде чем уйти, профессор долго наблюдал, как я мучаюсь, высекая огонь, а после того как я сломал поочередно консервный ключ, наш последний напильник, перочинный нож и ножницы, он заметил, что доктор Томпкинс из Британского Музея сорок лет назад попробовал вручную изготовить обыкновенный скребок, какие делали в каменном веке, но только вывихнул себе запястье и разбил очки. Профессор добавил еще что-то о презрительном высокомерии, с которым мы привыкли смотреть на своих пещерных предков. Он прав. Мое новое жилище убого, матрас совсем сгнил, а из артиллерийского бункера, где мы, было, так хорошо устроились, нас выгнала старая больная горилла, которую черт принес из джунглей. Профессор утверждает, что горилла нас совсем не выселяла. Это тоже правда - она не проявляла агрессивности, но меня нервировали ее игры с гранатами. Может быть, я и попытался бы ее прогнать - я заметил, что она боялась красных банок с консервированным раковым супом, их там еще много осталось, - но боялась она их не то чтобы очень сильно, а кроме

того, Марамоту, который теперь открыто признается в шаманстве, заявил, что узнал в обезьяне душу своего дяди, и запретил нам ее раздражать. Мне очень жаль бункера; когда-то он служил одним из пограничных укреплений между Гурундувайю и Лямблией, но теперь солдаты разбежались, а нас выкинула вон обезьяна. Я все время невольно прислушиваюсь, потому что забавы с гранатами добром не кончаются, но пока слышны только стоны объевшихся урувоту и ворчание того павиана с подбитым глазом, про которого Марамоту говорит, что это не простой павиан, но если я не буду делать глупостей, то и он, наверное, тоже не перейдет к действиям.

Порядочная хроника должна иметь датировку. Я знаю, что конец света наступил сразу после периода дождей. С тех пор прошло несколько недель, но я не могу сказать, сколько именно, потому что горилла отняла у меня календарь, в котором я записывал важнейшие события - сначала чернилами, а когда они кончились - раковым супом.

Профессор убежден, что это вовсе не конец света, а только конец нашей цивилизации. Я вынужден с ним согласиться, ибо нельзя события таких размеров мерить своими личными неудобствами. Ничего страшного не произошло, - говорил поначалу профессор и предлагал Марамоту и мне что-нибудь спеть, однако, когда у него кончился табак, он потерял душевное спокойствие и после попытки набить трубку кокосовыми волокнами отправился в город за новым табаком, хотя вполне представлял себе, чем грозит в теперешних условиях такое путешествие. Не знаю, увижу ли я его когда-нибудь. Тем более я обязан оставить его жизнеописание потомкам, которым предстоит возродить цивилизацию. Моя судьба сложилась так, что я вблизи мог наблюдать выдающихся личностей эпохи, и кто знает, не будет ли Донда признан первым среди них. Но сначала надо объяснить, как я оказался в африканском буше, который сейчас стал ничьей землей.

Мои достижения на ниве космонавтики принесли мне некоторую известность, и разнообразные организации, учреждения и частные лица обращались ко мне с просьбами о сотрудничестве, титулуя меня профессором, членом Академии или, по меньшей мере, доктором.

Мне все это было неприятно, поскольку я считаю, что не заслужил никаких званий, но профессор Тарантога убедил меня, что общественное мнение не может смириться с пустотой, зияющей перед моей фамилией, и, договорившись за моей спиной со своими влиятельными знакомыми, сделал меня Генеральным представителем ФАО - Всемирной продовольственной организации - в Африке.

Я принял этот пост вместе с титулом Советника и Эксперта, потому что считал его чистой синекурой, но оказалось, что в Лямблии, республике, которая мгновенно от палеолита перешла к монолиту современного общественного устройства, ФАО построила фабрику кокосовых консервов, и я как полномочный представитель должен был ее торжественно открыть. И надо же было случиться, что магистр-инженер Арман де Бэр, который сопровождал меня по поручению ЮНЕСКО, на приеме во французском посольстве потерял очки и, приняв сослепу шакала, подвернувшегося ему под руку, за легавую, решил его погладить. Известно, что у шакалов на зубах может оказаться трупный яд. Увы, достопочтенный француз пренебрег опасностью и через три дня умер. В кулуарах лямблийского парламента прошел слух, будто шакал одержим злым духом, которого вселил в него некий колдун, и кандидатура этого колдуна на пост министра религиозных культов и народного просвещения была снята после демарша французского посольства. Посольство не дало официального опровержения, возникла деликатная ситуация, а государственные мужи Лямблии, неопытные в дипломатическом протоколе, вместо того чтобы без лишнего шума отправить останки на родину, сочли это событие еще одним поводом блеснуть на международной арене. Генерал Махабуту, военный министр, дал траурный коктейль, на котором, как принято в таких случаях, все со

стаканами в руках беседовали обо всем и ни о чем, и я, сам не помню когда, на вопрос полковника Баматагу, директора Департамента по европейским делам, ответил, что действительно, высокопоставленных покойников у нас иногда хоронят в запаянных гробах. Мне и в голову не пришло, что этот вопрос имеет что-то общее с умершим французом, а лямбулицы, в свою очередь, не нашли ничего естественного в использовании фабричных устройств для похоронного ритуала. И умершего выслали самолетом Эр Франс, в ящике с рекламой кокосов, но самым оскорбительным было то, что в ящике находилось 96 запаянных консервных банок.

Потом из меня сделали козла отпущения - мол, я не предотвратил скандала; но как я мог такое предвидеть, если ящик был заколочен и покрыт трехцветным флагом? И еще все возмутились, отчего я не послал лямбулицким властям меморандума с разъяснением, насколько неуместна развеска покойников на порции и консервирование их в банках. Но мне было не до того. Генерал Махабуту неизвестно зачем прислал мне в номер лиану, и только потом, от профессора Донды, я узнал, что это был намек на виселицу. После этой увертюры к отелю прибыла экзекуционная команда, которую я, не зная языка, принял за почетный караул. Если бы не Донда, я наверняка не поведал бы этой истории, а впрочем, и никакой другой. В Европе мне советовали остерегаться его, как беспринципного мошенника, который использовал легкоеверие и наивность молодого государства, чтобы свить себе там теплое гнездышко. Бессовестные шаманские штучки он поднял до уровня теории, которую и преподавал в местном университете. Поверив своим информаторам, я считал профессора шарлатаном и прохвостом и на официальных приемах держался от него подальше, хотя он производил на меня впечатление вполне симпатичного человека.

Генеральный консул Франции, резиденция которого находилась ближе всего (от английского посольства меня отделяла река, кишащая

крокодилами), отказал мне в убежище - и это при том, что я прибежал к нему из "Хилтона" в одной пижаме. Консул сослался на государственные соображения, а именно на ущерб интересам Франции, мною якобы нанесенный. Наш разговор через дверной глазок шел на фоне ружейных залпов - это присланная за мной команда тренировалась на задворках отеля, - и я стал прикидывать, идти ли мне на расстрел или броситься к крокодилам, как вдруг из камышей выплыла нагруженная багажом пирога профессора. Когда я уже сидел на чемоданах, профессор сунул мне в руки весло и объяснил, что у него как раз кончился контракт в Кулахарском университете и он плывет в Гурундувайю, куда его пригласили в качестве профессора сварнетики. Такая неожиданная смена университетов могла бы показаться странной, но мне в тот момент было не до вопросов.

Даже если я был нужен Донде только как гребец, то все равно, он спас мне жизнь. Мы плыли уже четыре дня и за это время познакомились ближе. Я, правда, опух от москитов - от себя Донда отгонял их репеллентом, а мне говорил, что в банке осталось слишком мало снадобья. Я и на это не обижался, принимая во внимание деликатность ситуации. Донда читал прежде мои книги, и я не мог рассказать ему о себе ничего нового, зато я многое узнал о его жизненном пути. Вопреки своей фамилии, Донда не славянин, да и назвали его так случайно. Имя Аффидавид он носит уже шесть лет, с тех пор, как, покидая Турцию, написал требуемый властями аффидевит и вписал это слово не в ту графу анкеты, так что получил паспорт, аккредитивы, справку о прививках, кредитную карточку и страховой полис на имя Аффидавида Донды и, подумав, смирился, потому что, в сущности, не все ли равно, как кого зовут.

Профессор Донда появился на свет благодаря серии ошибок. Его отцом была метиска из индийского племени Навахо, матерей же у него было две с дробью, а именно: белая русская, красная негрятянка и, наконец, мисс Эйлин Сибэри, квакерша, которая и родила его после семи дней беременности в драматических обстоятельствах, то есть в тонущей

подводной лодке. Женщину, которая была отцом Донды, приговорили к пожизненному заключению за взрыв штаб-квартиры похитителей и одновременно - за катастрофу самолета компании Пан-Ам. Ей поручили бросить в штаб экстремистов-похитителей петарду с веселящим газом - как предупреждение. Она отправилась из Штатов в Боливию, но во время таможенного досмотра на аэродроме перепутала свой несессер с сумкой стоявшего рядом японца, и экстремисты взлетели на воздух, потому что у японца в сумке была настоящая бомба, предназначенная для кого-то другого. Самолет же, с которым по ошибке - в тот день бастовали наземные службы - вылетел ее несессер, разбился сразу после старта. Похоже, что пилот от смеха потерял контроль над управлением, а реактивные лайнеры при взлете, как известно, не проветриваются. За все это бедняжку упрятали в тюрьму до конца дней, и уж кто-кто, а эта девица, казалось, не имела никаких шансов оставить потомство; однако не следует забывать, что мы живем в век науки.

Как раз тогда профессор Харлей Помбернак изучал наследственность у заключенных в боливийских тюрьмах. Он брал живые клетки следующим образом: каждый из узников лизал предметное стеклышко микроскопа - этого достаточно, чтобы отслоилось несколько клеток слизистой оболочки. В той же самой лаборатории другой американец, доктор Джаггернаут, искусственно оплодотворял человеческие яйцеклетки. Стеклышки Помбернака каким-то образом перемешались со стеклышками Джаггернаута и попали в холодильник, в то место, где должны храниться мужские половые клетки. Из-за этой путаницы клеткой слизистой оболочки метиски оплодотворили яйцеклетку, донором которой была русская, дочь белоэмигрантов. Теперь вам, наверное, ясно, почему я назвал метиску отцом Донды: тот, кто дал оплодотворяющую клетку, конечно, отец, даже если он женщина.

Ассистент Помбернака в последнюю минуту спохватился, вбежал в лабораторию и крикнул: "Don't do it!" - но, как большинство англосаксов,

произнес эти слова невнятно, и получилось что-то вроде "Дондо". Позже, когда выписывали метрику, это созвучие каким-то образом припомнилось и получилась фамилия "Донда" - так, по крайней мере, рассказывали профессору двадцать лет спустя.

Оплодотворенное яйцо Помбернак поместил в инкубатор. Эмбриональное развитие в пробирке продолжается обычно около двух недель, затем зародыш погибает. Но, по стечению обстоятельств, именно тогда Американская лига борьбы с эктогенезом добилась судебного приговора, по которому все оплодотворенные яйцеклетки были изъяты из лабораторий, и одновременно через газету стали подыскивать милосердных женщин, согласных доносить эмбрионы. Откликнулись многие, среди них и негритянка, которая еще не имела понятия о том, что через четыре месяца примет участие в нападении на склады поваренной соли фирмы Надлбейкер Корпорейшн. Негритянка принадлежала к группе активных защитников окружающей среды, которые протестовали против постройки атомной электростанции в Массачусетсе и, не ограничиваясь пропагандой, решили уничтожить склад соли, потому что из нее электролитическим путем получают металлический натрий, который служит теплоносителем, передающим энергию от ядерных реакторов к турбинам. Правда, реактор, который собирались построить в Массачусетсе, не нуждался в натрии. Он работал на быстрых нейтронах с новым теплоносителем, а фирма, выпускавшая этот теплоноситель, находилась в Орегоне и называлась Мадлбейкер Корпорейшн. Что же касается уничтоженной соли, то эта была вовсе не поваренная, а калийная соль, предназначенная для производства удобрений.

Процесс негритянки долго тащился от инстанции к инстанции, так как версии защиты и обвинения были достаточно аргументированы. Обвинение утверждало, что речь идет о покушении на собственность федерального правительства и что суд должен принять во внимание преднамеренные действия, а не случайные ошибки в исполнении. Защита,

в свою очередь, стояла на том, что имело место лишь дальнейшее ухудшение и без того испорченных, залежавшихся удобрений, находившихся в частной собственности, и поэтому дело находится в компетенции штата. Негритянка, понимая, что так или иначе ей придется рожать в тюрьме, отказалась от продолжения материнства в пользу новой филантропки. Ею оказалась квакерша, некая Сибэри. Квакерша, чтобы немного развлечься, на шестом дне беременности отправилась в Диснейленд на подводную экскурсию по супераквариуму. Подводная лодка потерпела аварию, и, хотя все кончилось благополучно, у мисс Сибэри от нервного потрясения случился выкидыш. Плод, однако, удалось спасти. Поскольку мисс Сибэри была беременна только неделю, вряд ли можно считать ее настоящей матерью Донды - отсюда и дробное обозначение.

Потребовались объединенные усилия двух детективных агентств, чтобы выяснить истинные факты, касавшиеся как отцовства, так и материнства. Прогресс науки аннулировал старый принцип римского права: "*Mater semper certa est*". Для порядка добавлю, что пол профессора остался загадкой, потому что из двух женских клеток может развиваться только женщина. Откуда появилась мужская хромосома, неизвестно. Но я слышал от вышедшего на пенсию работника Пинкертоновского агентства, который приезжал в Лямблию на сафари, что пол Донды не представляет никакой загадки - в третьем отделе лаборатории Помбернака предметные стекла давали лизать жабам.

Профессор провел детство в Мексике, потом натурализовался в Турции, где перешел из епископального вероисповедания в дзен-буддизм и закончил три факультета, и, наконец, выехал в Лямблию, чтобы возглавить в Кулахарском университете кафедру сварнетики.

Настоящей его профессией было проектирование птицефабрик, но, когда он перешел в буддизм, то не мог более вынести мысли о тех муках, которым подвергают бройлеров. Двор им заменяет пластиковая сетка,

солнце - кварцевая лампа, квочку - маленький равнодушный компьютер, а вольное клевание - помпа, которая под давлением заполняет желудки смесью из планктона и рыбной муки. Им ставят музыку, обычно увертюры Вагнера, которые вызывают у них панику. Цыплята в отчаянье машут крылышками, что ведет к развитию грудных мышц, самых ценных в кулинарном отношении. Может быть, Вагнер и был той каплей, которая переполнила чашу терпения Донды.

В этих куриных освенцимах, говорил профессор, несчастные создания по мере своего развития передвигаются вместе с лентой, к которой прикреплены клетки, вплоть до конца конвейера, и там, так и не увидев в своей жизни ни клочка голубого неба, ни щепотки песка, подвергаются обезглавливанию, отвариванию и расфасовке в банки... Интересно, что мотив консервной банки то и дело появляется в моих воспоминаниях.

И вот, находясь еще в Турции, Донда получил телеграмму следующего содержания: "Will you be appointed professor of svarnetics of Kulaharian University ten kilodollars yearly answer please immidiately Colonel Dronfutu Lamblian Vamblian Dramblian Security Police". Он тут же ответил согласием, исходя из тех соображений, что можно и на месте узнать, что такое сварнетика, а трех его дипломов достаточно, чтобы преподавать любую из точных наук. По прибытии в Лямблию Донда обнаружил, что о полковнике Друфуту давно уже никто не помнит. В ответ на расспросы все только смущенно покашливали. Однако контракт был подписан и новому правительству пришлось бы выплатить Донде неустойку за три года, так что кафедру он получил.

Никто не расспрашивал нового профессора о его предмете. Тюрьмы были переполнены, и в одной из них, наверное, находился человек, который знал, что такое сварнетика. Донда искал этот термин во всех энциклопедиях, но понапрасну. Единственным научным подспорьем, которым располагал

университет в Кулахари, был новенький, с иголки, компьютер IBM, подарок ЮНЕСКО. Однако читать студентам кибернетику Донда не имел права - это противоречило контракту. Хуже всего (он признался мне в этом, когда мы продолжали грести в полутьме, едва отличая корягу от крокодила) были одинокие вечера в отеле, которые он коротал, ломая голову над тайной сварнетики.

Обычно бывает так: возникает новая область исследований, потом для нее придумывают название. У него же было название без предмета. Профессор долго колебался между возможными толкованиями и, наконец, решил остановиться на неопределенности как таковой, полагая, что слово "между" (inter) самое подходящее в данном случае. С той поры в сообщениях, предназначенных для европейских журналов, он стал употреблять термин "интеристика"; последователей этой школы в просторечии звали "промежниками". Но только в качестве творца сварнетики Донда приобрел настоящую и, увы, печальную известность.

Конечно, он не смог бы заниматься стыками всех наук, но тут ему снова помог случай. Министерство культуры выделило дотации для тех кафедр, которые связывали свои исследования с национальными традициями страны. Донде это условие пришлось как нельзя более кстати. Он решил изучить пограничную область между рациональным и иррациональным. Начал он скромно,

с математизации заклятий. В лямблейском племени Хоту Ваботу уже много веков практиковалось преследование врагов in effigio. Фигурку недруга, проколотую колючками, скармливали ослу. Если осел после этого угощения не издыхал, то это считалось добрым знаком и предвещало скорую смерть врага. Донда принялся за цифровое моделирование врагов, колючек, ослов и т. п. Таким образом, он постепенно раскрыл смысл сварнетики. Оказалось, что это слово - сокращение английского "Stochastic Verification of Automatized Rules of Negative Enchantment", то есть

"стохастическая проверка автоматизированных правил наведения злых чар". Журнал "Nature", куда Донда послал статью о сварнетике, поместил выдержки из нее с оскорбительным комментарием в рубрике "Курьезы". Комментатор назвал Донду кибершаманом, который сам не верит в то, что делает, и поэтому - таков был глубокомысленный вывод - является обыкновенным мошенником. Донда оказался в двусмысленном положении. В чары он действительно не верил и в своем сообщении не утверждал, будто верит, но в то же время не мог публично заявить о своем неверии, потому что уже принял предложение министерства сельского хозяйства заняться оптимизацией заклятий против засухи и вредителей зерновых культур.

Не имея возможности ни отмежеваться от магии, ни признаться в ней, профессор нашел выход в самой сути сварнетики как межотраслевой науки. Он решил держаться между магией и наукой. Хотя к этому шагу его принудили обстоятельства, именно тогда он вступил на путь, который привел его к величайшему из всех открытий в истории человечества.

Отсталость полицейского аппарата в Лямблии привела к значительному росту числа преступлений, особенно против жизни граждан. Вожди племен, ставшие в новых условиях атеистами, тут же перешли от магических преследований оппонентов к реальным, и не было дня, чтобы крокодилы, которые обычно лежали на отмели напротив парламента, не глодали бы чьих-нибудь конечностей. Донда взялся за цифровой анализ этого явления и назвал свой проект "Methodology of Zeroing Illicit Murder" - методология приведения недозволенных убийств к нулю, "МЗИМУ". Вскоре по стране разнеслась весть о том, что в Кулахари появился могучий волшебник Бвана Кубва Донда, обладающий Мзиму, который следит за каждым шагом жителей Лямблии. В последующие месяцы индекс преступности значительно снизился.

Политики, воодушевленные успехом, потребовали, чтобы профессор запрограммировал экономические чары с целью сделать платежный

баланс Лямблии положительным. Они также добивались разработки орудия для метания проклятий и заклинаний против соседнего государства Гурундувайю, которое вытесняло лямблийские кокосы с мирового рынка. Донда сопротивлялся этому нажиму с большим трудом - к тому времени в чернокнижную силу компьютера поверили его многочисленные докторанты. В неофитском азарте им уже мерещилась не кокосовая, а политическая магия, которая дала бы Лямблии мировое господство.

Конечно, Донда мог бы публично заявить, что ничего такого от сварнетики требовать нельзя. Но тогда ему пришлось бы разъяснить истинное ее назначение людям, которые не в состоянии его понять. Таким образом, он был осужден на постоянное лавирование. Тем временем слухи о Мзиму Донды повысили производительность труда, так что платежный баланс немного поправился. Отмежевавшись от этих достижений, профессор отмежевался бы и от дотации, а без нее рухнули бы его гигантские замыслы.

Не знаю, когда ему в голову пришла эта мысль. Профессор говорил об этом как раз в тот момент, когда исключительно злобный крокодил отгрыз лопасть у моего весла. Я дал ему промеж глаз каменным кубком, который Донда получил от делегации колдунов, присвоивших ему звание мага *honoris causa*. Кубок разбился, огорченный профессор стал осыпать меня упреками, и мы поссорились до следующего привала. Я запомнил только, что кафедра превратилась в Институт экспериментальной и теоретической сварнетики, а Донда стал председателем Комиссии 2000-го года при Совете Министров, имевшей целью составление гороскопов и их магическое воплощение в жизнь. Мне кажется, что он пошел на поводу у обстоятельств, но я ничего не сказал ему тогда - все-таки он спас мне жизнь.

Разговор не клеился и на следующий день, потому что река на протяжении 20 миль служила границей между Лямблией и Гурундувайю, и пограничные посты обоих государств время от времени обстреливали нас, к счастью, не слишком метко. Крокодилы куда-то исчезли, хотя я предпочел бы их

общество пограничным инцидентам. У Донды были заготовлены флаги Лямблии и Гурундувайю, мы размахивали ими перед солдатами, но река выделяет здесь крутые извивы, и раз-другой мы махнули не тем флагом - пришлось ложиться на дно пироги...

Больше всего портил настроение Донде журнал "Nature", которому он был обязан репутацией шарлатана. Однако посольство Лямблии нажало на Форин Оффис, и профессора все же пригласили на Всемирный конгресс кибернетики в Оксфорде. Там он и огласил реферат о Законе Донды.

Как известно, изобретатель перцептрона Розенблатт выдвинул такой тезис - чем больше перцептрон, тем меньше он нуждается в обучении для распознавания геометрических фигур. Правило Розенблатта гласит: бесконечно большой перцептрон вовсе не нуждается в обучении - он все знает сразу. Донда пошел в противоположном направлении и открыл свой закон. То, что маленький компьютер может сделать, имея большую программу, большой компьютер сделает, имея малую, отсюда следует вывод, что бесконечно большая программа может действовать без всякого компьютера. И что же вышло? Аудитория откликнулась на эти слова издевательским свистом. Куда только подевались свойственные ученым сдержанность и хорошие манеры!

Журнал "Nature" писал, что если верить Донде, каждое бесконечно длинное заклинание должно реализоваться. Профессора обвинили в том, что чистую воду точной науки он смешал с идеалистической мутью. С тех пор его стали называть "пророком кибернетического Абсолюта".

Окончательно подкосило Донду выступление доцента Богу Вамогу из Кулахари, который тоже оказался в Оксфорде, потому что был зятем министра культуры, и представил работу под названием "Камень как движущий фактор европейской мысли". В фамилиях людей, утверждал доцент, сделавших переломные открытия, часто встречается слово "камень", что следует, например, из фамилии величайшего физика (ЭЙНШТЕЙН), великого философа (ВитгенШТЕЙН), великого кинорежиссера

(ЭйзенШТЕЙН), театрального деятеля (ФельзенШТЕЙН). В той же мере это касается писательницы Гертруды СТАЙН и философа Рудольфа ШТЕЙНера. Касаясь биологии, Богу Вамогу назвал основоположника гормонального омоложения ШТЕЙаха и, наконец, не преминул добавить, что Вамогу по-лямблийски значит "камень всех камней". А поскольку он всюду ссылаясь на Донду и свою каменную генеалогию называл "сварнетически имманентной составляющей сказуемого "быть камнем", журнал в очередной заметке представил его и профессора в виде двух сумасшедших близнецов.

Я слушал этот рассказ в душном тумане на разливе Вамбези, отвлекаясь главным образом на битые по головам особо нахальных крокодилов, которые кусали торчащие из сумок рукописи профессора и забавлялись, раскачивая лодку. Меня одолевали сомнения. Если Донда занимал в Лямблии такое прочное положение, то почему он тайком бежал из страны? К чему он в действительности стремился и чего достиг? Если он не верил в магию и насмеялся над Богом Вамогу, то отчего проклинал крокодилов, вместо того чтобы взять винтовку (только в Гурундувайю он объяснил мне, что этого не позволяла ему буддийская вера). Тогда мне было трудно добиться от него правды. Собственно, из любопытства я принял предложение Донды стать его ассистентом в Гурундувайском университете. После прискорбной истории с консервным заводом у меня не было желания возвращаться в Европу - я предпочитал подождать, пока инцидент окончательно забудется. И хотя впоследствии я пережил немало, о своем решении, принятом в мгновение ока, я ничуть не жалею, и когда пирога, наконец, уткнулась носом в гурундувайский берег Вамбези, я выпрыгнул первым и подал руку профессору, и в этом рукопожатии было нечто символическое, ибо с тех пор наши судьбы нераздельны. Гурундувайю - государство в три раза большее, чем Лямблия. Быструю индустриализацию здесь, как это случается в Африке, сопровождала неразлучная с ней коррупция. Но к

тому времени, когда мы прибыли в страну, механизм уже забуксовал. То есть взятки по-прежнему брали все, но никаких услуг взамен не полагалось. Правда, не давшего взятку могли избить. Отчего промышленность, торговля и администрация все еще действовали - этого мы поначалу не могли понять.

По европейским понятиям, страна со дня на день должна была развалиться на куски. Лишь после долгого пребывания в Лумии, столице Гурундувайю, я разобрался немного в новом устройстве, которое заменяет то, что на старом континенте зовется "общественным договором". Мваги Табуин, лумийский почтмейстер, у которого мы поселились (столичный отель закрыли семнадцать лет назад на текущий ремонт), объяснил нам без обиняков, чем он руководствовался, выдавая замуж своих шестерых дочерей. Через старшую он породнился сразу с электростанцией и обувной фабрикой. Вторую дочку он внедрил в продовольственный комбинат через тамошнего привратника. И сделал единственно правильный ход. Одно руководство за другим отправлялось за решетку, лишь привратник оставался на месте, потому что сам ничем не злоупотреблял, а только принимал подношения. Благодаря этому стол почтмейстера всегда был уставлен блюдами с дефицитной едой. Третью дочь Мваги просватал за ревизора ремонтных кооперативов. Поэтому даже в период дождей крыша его дома не протекала, стены сияли свежей краской, двери закрывались так плотно, что ни одной змее не проползти, и в каждом окне были стекла. Четвертую дочь он выдал за надзирателя городской тюрьмы - на всякий случай. На пятой женился писарь городской управы. Именно писарь, а не, скажем, вице-бургомистр, которому Мваги послал в знак отказа черный суп из крокодильего желудка. Управы менялись, как облака на небе, но писарь держался на своем месте, и только взгляды его менялись, словно фазы луны. Наконец, шестую девушку взял в жены шеф снабжения атомных войск. Войска эти существовали на бумаге, но снабжение было реальным. Кроме того, кузен шефа со стороны матери служил сторожем в

зоологическому саду. Эта связь показалась мне совсем бесполезной. Разве что понадобится слон? Со снисходительной улыбкой Мваги заметил: "Зачем же слон? Вот скорпион - другое дело".

Будучи почтмейстером, Мваги не нуждался в семейных связях с почтой, и даже мне, его жильцу, посылки и письма приносили невскрытыми - дело в Гурундувайю редкостное. Я не раз видел, как почтальоны, выходя утром из здания почты с полными сумками, вываливали прямо в реку пачки писем, отправленных без необходимой протекции. Что же касается посылок, то почтовые чиновники забавлялись игрой, угадывая по очереди, что находится в посылке. Угадавший выбирал себе любую вещь по вкусу.

Нашего хозяина беспокоило только отсутствие родственников в кладбищенском хозяйстве. "Скормят меня крокодилам, сволочи!" - вздыхал он, когда его одолевали грустные мысли.

Высокий прирост населения в Гурундувайю объяснялся тем, что всякий отец семейства старался прежде всего связаться кровными узами с жизненно важными учреждениями. Мваги рассказал мне, как незадолго до закрытия лумийского отеля постояльцы падали от голода, а скорая помощь тем временем развозила по знакомым кокосовые циновки.

Хаувари, бывший капрал Иностранного легиона (после взятия власти он провозгласил себя маршалом и через день награждал себя через Министерство отличий новыми орденами), не осуждал повального стремления устроиться за счет других. Напротив, ему первому пришла в голову мысль национализировать коррупцию.

Хаувари, которого местная пресса именовала Старшим братом Вечности, не жалел средств на науку, а черпал он их из налогов, которыми облагались в стране иностранные фирмы. Парламент одобрял очередной налог, после чего начинались конфискации, описи имущества и ноты протеста, большей частью без последствий, а когда группа капиталистов укладывала чемоданы, всегда находились другие, которые желали попытать счастья в Гурундувайю, где запасы ископаемых, особенно хрома и никеля, были

огромны, хотя кое-кто утверждал, что геологические данные подтасованы по указанию властей. Хаувари покупал в кредит оружие, в том числе истребители и танки, и продавал их Лямблии за наличные.

Со Старшим братом Вечности шутки были плохи. Когда наступила великая засуха, он дал равные шансы христианскому богу и Синему Турмуту, старшему духу колдунов, и три недели спустя, так и не дождавшись осадков, казнил колдунов и выслал всех миссионеров.

Прочитав в порядке обмена опытом биографии Наполеона, Чингисхана и других государственных деятелей, он стал поощрять своих подчиненных к безудержному грабежу, непременно в крупных масштабах. В результате правительственный квартал соорудили из материалов, украденных Министерством строительства у Министерства водного транспорта, которое собиралось построить из них пристань на Вамбези; капитал для постройки железных дорог был похищен в Министерстве кокосового оборота; только злоупотребления позволили собрать средства для возведения зданий Суда и Следствия; словом, кражи и присвоения дали прекрасные результаты.

Хаувари, который к тому времени уже носил имя Отца Вечности, с большой помпой лично открыл Коррупционный банк, в котором каждый серьезный предприниматель мог получить долгосрочный кредит на взятки, если, конечно, дирекция установит, что его интересы совпадают с государственными.

С помощью Мваги мы с профессором устроились совсем неплохо. Почтовый инспектор приносил нам великолепных копченых кобр. Печенье доставляли на автобусе Эр Франс. Опытные пассажиры соображали, что ждать автобуса нет смысла, а неопытные, погуляв с чемоданами, набирались опыта. Молока и сыра у нас было вдоволь благодаря телеграфистам, которые просили взамен только дистиллированную воду из нашей лаборатории. Я никак не мог взять в толк, зачем им эта вода, но оказалось, что им нужны только голубые пластиковые бутылки - в них

разливали самогон, который гнали в городском Антиалкогольном комитете. Нам не надо было ходить по магазинам, и это очень важно, потому что я ни разу не видел в Лумии открытого магазина; на дверях всегда висели таблички "Приемка амулетов", "Пошла к колдуну" и т.п. Труднее всего нам было в учреждениях, потому что чиновники не обращали никакого внимания на посетителей. Согласно туземному обычаю, конторы – это место для общественных мероприятий, азартных игр и, главным образом, сватовства. Общее веселье омрачает иногда приезд полиции, которая сажает за решетку всех без разбора. Мера пресечения выбирается из соображения, что виноваты все, а кто в какой мере - на это жалко тратить силы и время.

Вскоре после нашего прибытия была раскрыта афера с котлами. Кузен Отца Вечности приобрел в Швеции для нужд парламента котлы центрального отопления вместо кондиционеров - при том, что в Лумии температура воздуха не опускается ниже 25 °С. Хаувари попытался склонить Метеорологический институт к снижению температуры и таким образом оправдать закупку; парламент непрерывно заседал - речь шла о его интересах. Была создана следственная комиссия, ее председателем избрали Мнумну, старого соперника Отца Вечности. В зале заседаний начались стычки, обычные танцы в перерывах превратились в воинственные, скамьи оппозиции пестрели цветными татуировками - и вдруг Мнумну исчез. Ходили три версии: одни утверждали, что Мнумну съеден правительственной коалицией, другие - что он сбежал вместе с котлами, третьи - что он сам себя съел. От Мваги я слышал и такое таинственное высказывание (правда, после дюжины кувшинов хорошо перебродившего киву-киву): "Если выглядишь вкусно, лучше не гуляй вечером в парке!" Но, возможно, это была только шутка.

Кафедра сварнетики в лумийском университете открыла перед Дондой новые перспективы. Надо сказать, что в это самое время правительственная комиссия по моторизации решила закупить лицензию

на семейный вертолет Белл-94, потому что после подсчетов вышло, что вертолетизация страны обойдется дешевле, чем строительство дорог. Правда, в столице уже была одна автострада длиной в 60 метров, но использовалась она только для военных парадов.

Весть о покупке лицензии вызвала панику у населения - каждый понимал, что это означает крах системы. Вертолет состоит из 39 000 деталей, для него нужен бензин и пять сортов смазки. Никто не в состоянии обеспечить себя всем этим, даже если станет каждый год рожать по дочери.

Я имею некоторое представление об этом механизме. Когда у моего велосипеда оборвалась цепь, я был вынужден нанять охотника, чтобы он поймал молодую антилопу, ее шкурой покрыли тамтам для директора телеграфа, директор послал Умиами телеграмму соболезнования по случаю смерти его дедушки в джунглях, а Умиами через Матарере был в родстве с одним армейским интендантом и кое-что имел в запасе, потому что главная бригада временно передвигалась на велосипедах. С вертолетом, конечно, было бы гораздо сложнее.

На счастье Европа, этот вечный источник новинок, предложила свежий образец взаимоотношений - групповой секс в произвольном составе. В суровых экономических условиях он стал не источником острых ощущений, но средством для удовлетворения текущих потребностей. Опасения профессора, что для блага науки нам придется распрощаться с холостяцкой жизнью, оказались напрасными. Мы неплохо справлялись, хотя дополнительные обязанности, которые нам пришлось взять на себя, чтобы снабдить кафедру всем необходимым, очень нас утомляли.

Профессор посвятил меня в свой новый замысел - он хотел запрограммировать в компьютере все проклятия, чернокнижные заклинания, магические ритуалы и шаманские формулы, которые создало человечество. Я не видел в этом никакого смысла, но профессор был непреклонен. Такую гигантскую массу информации мог вместить только новейший фотоэлектронный компьютер ценой 11 миллионов долларов.

Мне не верилось, что мы сможем получить такой огромный кредит, особенно если учесть, что министр финансов отказался ассигновать 43 доллара на закупку туалетной бумаги для института. Однако профессор был уверен в успехе. Он не рассказывал мне о деталях своего плана, но по всему было заметно, что он целиком втянулся в это предприятие. По вечерам, раскрасившись, он отправлялся неизвестно куда в набедренной повязке из шкуры шимпанзе - именно таков визитный костюм в высокопоставленных кругах Лумии. Из Европы ему приходили загадочные посылки; когда я нечаянно уронил одну из них, раздался тихий марш Мендельсона. Донда раскапывал какие-то рецепты в старых поваренных книгах, таскал из лаборатории стеклянные змеевики дистилляторов, заставлял меня затирать барду, вырезал снимки женщин из "Плейбоя" и "Уи", окантовывал картинки, которые никому не показывал, наконец, попросил доктора Альфена, директора правительственного госпиталя, пустить ему кровь, и я видел, как он завертывал бутылочку в золотую бумагу. А потом в один прекрасный день профессор смыл с лица мази и краски, сжег остатки "Плейбоев" и четыре дня флегматично курил трубку на веранде дома Мваги. На пятый день нам позвонил Уабамоту, директор департамента капиталовложений. Разрешение на покупку компьютера было получено. Я не верил своим ушам. Профессор на все вопросы отвечал только слабой улыбкой.

Программирование магии заняло более двух лет. Трудностей хватало. Пришлось повозиться, например, с переводом заклинаний американских индейцев, записанных узелковым письмом "кипу" и с ледовоснежными заклятиями курильских племен и эскимосов, двое наших программистов расхворались, по-моему, от переутомления, потому что групповое сожительство по-прежнему было в моде, однако ходили слухи, что их болезнь - дело рук колдовского подполья, обеспокоенного превосходством Донды на их общем поле деятельности. Кроме того, группа прогрессивной

молодежи, краем уха прослышав о движениях протеста, подложила в институт бомбу.

К счастью, взрыв разрушил только одну из уборных. Ее не починили уже до конца света, потому что пустые кокосы, которые, по мысли местного рационализатора, должны были заменить поплавки в бачках, все время тонули. Я просил профессора употребить свое возросшее влияние, чтобы достать запасной поплавков, но он сказал, что только великая цель оправдывает столь трудоемкие средства.

Жители нашего квартала раза два устраивали антидондовские демонстрации - они опасались, что пуск компьютера обрушит лавину чар на университет, а заодно и на них, потому что колдовство может оказаться недостаточно точным. Профессор велел окружить здание высоким забором, на котором собственноручно нарисовал тотемические знаки, охраняющие от злых чар. Забор, насколько я помню, обошелся в четыре бочки самогона.

Постепенно мы накопили в блоках памяти 490 миллиардов битов магических сведений, что в сварнетическом исчислении равнялось двумстам тетрагигамагемам. Машина, выполняя 18 миллионов операций в секунду, работала три месяца без перерыва. Инженер Джефрис из IBM, присутствовавший при пуске машины, счел нас за сумасшедших, особенно после того, как профессор поставил блоки памяти на высокочувствительные весы, специально выписанные из Швейцарии.

Программисты были ужасно расстроены - после трех месяцев работы компьютер не заколдовал и муравья. Донда, однако, жил в неустанном ожидании, не отвечал на вопросы и каждый день проверял, как выглядит график, который рисовал самописец весов на бумаге. Разумеется, он рисовал прямую линию, которая свидетельствовала, что компьютер не колебался ни на микрон, да и с чего ему было колебаться? К концу третьего месяца у профессора появились признаки депрессии, он не отвечал на телефонные звонки и не прикасался к корреспонденции.

Вечером двенадцатого сентября, когда я уже собирался ложиться спать, он вдруг ворвался ко мне, бледный и потрясенный.

- Свершилось! - закричал он с порога. - Теперь уже точно! - Признаюсь, я испугался за его рассудок. - Свершилось! - повторил он еще несколько раз.

- Что свершилось? - закричал я наконец.

Он посмотрел на меня, словно очнувшись ото сна.

- Он прибавил в весе одну сотую грамма. Эти проклятые весы слишком грубые. Если бы у меня были весы получше, я знал бы месяц назад, а может, и раньше.

- Кто прибавил в весе?

- Не кто, а что. Компьютер. Блоки памяти. Ты же знаешь, что материя и энергия имеют массу. Информация не материя и не энергия, однако она существует, значит, и у нее должна быть масса. Я начал думать об этом, когда только формулировал закон Донды. Бесконечно большая информация действует непосредственно, без всякой аппаратуры. Что бы это могло означать? То, что вся масса информации найдет себе непосредственное применение. До этого я додумался, но не знал еще правила равновесия. Что ты на меня так смотришь? Теперь я осуществил свой проект и знаю, сколько весит информация. Машина стала тяжелее на 0,01 грамма. Понимаешь?

- Профессор, - пробормотал я, - а как же все эти молитвы, заклинания, эти наши единицы измерения - чары на грамм и секунду?

Я замолчал - мне показалось, что Донда плачет. Его трясло, но это был беззвучный смех.

- А что мне оставалось делать? - сказал он вдруг спокойно. - Пойми - масса есть у всякой информации, смысл не имеет ровно никакого значения. Атомы остаются атомами, независимо от того, где они находятся - в камне или в моей голове. Однако масса информации неслыханно мала, сведения всей энциклопедии тянут на миллиграмм. Вот зачем мне такой

компьютер. Но подумай, кто бы дал мне на полгода машину за 11 миллионов, чтобы заполнять ее чепухой, бессмыслицей, вздором, чем попало?

- Однако, - возразил я неуверенно, - если бы мы работали в серьезном научном учреждении, скажем, в Институте высших исследований или в Массачусетском Технологическом...

- Да брось ты! У меня не было никаких доказательств, ничего, кроме закона Донды, который стал всеобщим посмешищем. Пришлось бы покупать машинное время, а ты знаешь, сколько стоит час работы такой штуковины? А мне нужны месяцы! И куда бы я приткнулся в Штатах? У таких машин там стоят толпы футурологов, обсчитывают варианты Нулевого прироста экономики - это сейчас модно, это, а не выдумки какого-то Донды из Кулахари.

- Значит, вся эта магия ни к чему? Ведь мы только на сбор материалов потратили два года...

Донда нетерпеливо дернул плечом.

- Необходимое не может быть напрасным. Без проекта мы не получили бы ни гроша.

- Но Уабамоту, правительство, Отец Вечности - все они ожидают чуда!

- Будет им чудо, да еще какое! Слушай. Существует критическая масса информации, точно так же, как критическая масса урана. Мы приближаемся к ней. Не только мы здесь, но вся Земля. Каждая цивилизация, строящая компьютеры. Развитие кибернетики - это западня, поставленная Природой для Разума.

- Критическая масса информации? - повторил я. - Но ведь каждый человеческий мозг содержит тьму информации, и если не принимать во внимание, умная она или глупая...

- Не перебивай. Важно не количество сведений, а их плотность. Так же, как в случае с ураном. Рассеянный в глубине земли, уран безопасен. Условие взрыва - его выделение и концентрация. Так и в нашем случае.

Информация в книгах или в головах людей может быть огромной, но она пассивна. Ее нужно сконцентрировать.

- И что тогда произойдет? Чудо?

- Какое там чудо, - усмехнулся он. - Похоже, ты и впрямь поверил в бредни, которые послужили мне исходным материалом. Никакого чуда. За критической точкой произойдет цепная реакция. *Obiit animus, natus est atomus!* Информация исчезнет - она превратится в материю.

- Как это? - изумился я.

- Материя, энергия и информация - вот три проявления массы, - терпеливо объяснял Донда. - Согласно законам сохранения, они могут взаимно превращаться. Материя переходит в энергию, энергия и материя нужны для создания информации, а информация может снова обратиться в материю, но только при определенных условиях. Перейдя критическую массу, она исчезнет, будто ее ветром сдуло. Это и есть Барьер Донды, граница прироста знаний. Конечно, их можно накапливать и дальше, но только в разреженном виде. Каждая цивилизация, которая до этого не додумается, попадает в ловушку: чем больше она соберет знаний, тем дальше откатится к невежеству. Знаешь, как близко мы подошли к этому порогу? Если поток информации будет нарастать такими же темпами, то через два года произойдет...

- Взрыв?

- Как бы не так! Ничтожная вспышка, которая и мухе не повредит. Там, где находились миллиарды битов, останется горстка атомов. Пожар цепной реакции obeжит весь мир со скоростью света и повсюду, где плотность информации превышает миллион битов на кубический миллиметр, произведет протоны - и пустоту.

- Но надо же предостеречь...

- Разумеется. Я уже сделал это. Но безрезультатно.

- Почему? Неужели вы опоздали?

- Нет, просто мне никто не верит. Такое сообщение должно исходить от авторитета, а я в их глазах - шут и мошенник. Впрочем, от мошенничества я мог бы откреститься, но от шутовства мне не избавиться никогда. Да я и пытаться не стану. В Штаты я послал официальное сообщение, а в "Nature" вот эту телеграмму.

Он передал мне черновик: "Cognovi naturam rerum. Lord's countdown made the world. Truly your's Donda".

Заметив, что я остолбенел, профессор ехидно усмехнулся.

- Ты плохо обо мне подумал! Дорогой мой, я тоже человек и плачу им добром за зло. Деша содержит важную мысль, но они бросят ее в корзину или публично высмеют. Это моя месть. Не понимаешь? А самая модная теория возникновения Вселенной - теория большого взрыва - тебе известна? Что же взорвалось? Что вдруг материализовалось? Вот тебе божественный рецепт: считать от бесконечности до нуля. Когда бог досчитал до нуля, информация мгновенно материализовалась - согласно формуле равновесия. Так воплотилось Слово, оно взорвалось туманностями, звездами. Космос возник из информации!

- Вы действительно так думаете, профессор?

- Доказать нельзя, но, во всяком случае, идея не противоречит закону Донды. Не думаю, чтобы это был именно бог, однако кто-то сделал это на предыдущем этапе, может быть, несколько цивилизаций, которые взорвались вместе, этакое созвездие Сверхновых. А теперь наша очередь. Компьютеризация свернет голову цивилизации, причем, вполне деликатно.

Я понимал состояние профессора, но не мог ему поверить. Мне казалось, что желание отомстить за предыдущие унижения ослепляет его. Но, увы, он оказался прав...

У меня немеет рука и кончается глина, однако я должен писать дальше. В общем футурологическом шуме никто не обратил внимания на слова Донды. "Nature" промолчал. Одна или две газеты напечатали полный

текст его предостережения, но научный мир даже ухом не повел. У меня это не умещалось в голове. Когда я понял, что мир стоит перед катастрофой, а на профессора смотрят как на того пастуха из басни, который слишком часто кричал "волки", я не мог удержаться от горьких слов. Однажды ночью я упрекнул профессора в том, что он сам надел шутовскую маску, компрометируя свои исследования шаманским обликом. Он выслушал меня с жалкой, дрожащей усмешкой. Может быть, это был просто нервный тик.

- Иллюзии, - сказал он наконец, - иллюзии. Если магия - вздор, то ведь и я появился из вздора. Не могу тебе сказать, когда догадка переросла у меня в гипотезу, потому что я сам этого не знаю. Я сделал ставку на неопределенность. Мое открытие принадлежит физике, но только такой, которую никто не заметил, потому что дорога к ней вела через области осмеянные и поставленные вне закона. Надо было начать с мысли о том, что слово может стать телом, что заклинание может материализоваться, а потом нырнуть в этот абсурд, чтобы попасть на другой берег, туда, где информация и масса пребывают в равновесии. Так или иначе, необходимо было пройти через магию, не обязательно через ту игру, которой занимался я, - любой шаг показался бы бессмысленным, подозрительным, еретическим и дал бы пищу для насмешек. Ты прав, я ошибся, но моя ошибка в том, что я не оценил всей глупости той официальной мудрости, которая царит у нас в науке.

В нашу эпоху ярких упаковок обращают внимание на ярлык, а не на содержимое... Объявив меня жуликом и проходимцем, господа ученые сочли, что я более не существую, и если бы даже я ревел, как иерихонские трубы, никто бы меня не услышал. Но кто из нас, в сущности, занимался магией? Разве их жест отторжения и проклятия не относится к области магических ритуалов? Последний раз о Законе Донды писал "Ньюсуик", перед этим "Тайм", "Дер Шпигель", "Экспресс" - не могу пожаловаться на недостаток популярности. Но как раз поэтому ситуация кажется мне

безвыходной: меня читают все - и не читает никто. Кто не слышал о Законе Донды? Читают и покатываются со смеху: "Don't do it!" Видишь ли, их волнует не результат, а тот путь, по которому к нему приходят. Есть люди, лишенные права делать открытия, например, я. Теперь я сто раз мог бы присягнуть, что проект был всего лишь тактическим приемом, некрасивым, но необходимым, мог бы каяться публично - они бы только смеялись в ответ. Единожды войдя в клоунаду, я не смогу из нее выбраться. Меня утешает только то, что катастрофу все равно не предотвратить.

Пытаясь возразить профессору, я вынужден был перейти на крик, потому что приближался срок пуска большого завода семейных вертолетов, и в ожидании этих прекрасных машин народ Гурундуваию, сжав зубы, с упорством и страстью налаживал необходимые связи: за стеной моей комнаты бурлила семья почтмейстера вместе с приглашенными чиновниками, монтерами, продавщицами, и нарастающий шум говорил о том, сколь велика у этих достойных людей тяга к моторизации.

Профессор вынул из заднего кармана брюк фляжку "Белой лошади" и, наливая виски в стаканы, сказал:

- Ты опять не прав. Даже приняв мои слова на веру, научный мир взялся бы их проверять. Они засели бы за свои компьютеры и, собрав информацию, только приблизили бы катастрофу.

- Что же делать? - закричал я в отчаянии.

Профессор допил виски из горлышка, выбросил пустую фляжку в окно и, глядя в стену, за которой бушевали страсти, ответил:

- Спать.

Я пишу снова, смочив ладонь кокосовым молоком, потому что руку сводит судорога. Марамоту говорит, что в этом году сезон дождей будет ранним и долгим. С тех пор как профессор отправился в Лумию за табаком для трубки, я совсем один. Я почитал бы сейчас, даже старую газету, но здесь у меня только мешок книг по компьютерам и программированию. Я нашел

его в джунглях, когда искал бататы. Конечно, остались только гнилые - хорошие, как всегда, сожрали обезьяны. Побывал я и возле прежнего моего жилища. Горилла, хотя еще больше расхворалась, но внутрь меня не пустила. Я думаю, что мешок с книгами сбросили как балласт с большого оранжевого шара - он пролетел над джунглями к югу с месяц назад. Наверное, сейчас путешествуют на воздушных шарах. В мешке на самом дне я нашел прошлогодний "Плейбой", за его разглядыванием меня и застал Марамоту. Он очень обрадовался - нагота для него входит в правила приличия, и снимки в журнале он счел признаком того, что возрождаются старые добрые обычаи. Я как-то не подумал, что в детстве вместе со всей семьей он ходил нагишом, а все эти мини и макси, в которые стали потом наряжаться черные красавицы, казались ему, должно быть, верхом непристойности. Он спросил у меня, что происходит в мире, но я ничего не мог сказать, потому что у транзистора сели батареи.

Пока приемник работал, я слушал его целыми днями. Катастрофа произошла в точности так, как предсказал профессор. Сильнее всего она дала себя знать в развитых странах. Сколько библиотек было переведено на компьютеры в последние годы! И вдруг с лент, с кристаллов, с ферритовых пластин и криотронов в долю секунды испарился океан мудрости. Я вслушивался в задыхающиеся голоса дикторов. Не для всех падение было одинаково болезненным, но тот, кто выше влез по лестнице прогресса, чувствительнее с нее и свалился.

В "третьем мире" после короткого шока наступила эйфория. Не нужно было, выбиваясь из сил, гнаться за передовыми, лезть вон из штанов и тростниковых юбочек, урбанизироваться, индустриализироваться, а особенно компьютеризироваться. Жизнь, которая недавно еще была нашпигована комиссиями, футурологами, пушками, очистными сооружениями и границами, вдруг расплзлась в приятное болотце, в теплое однообразие вечной сиесты. И кокосы можно было достать без труда, а какой-то год назад они были мечтой - экспортный товар! И

войска как-то сами собой разбрелись, в джунглях я часто натыкался на брошенные противогазы, комбинезоны, ранцы, мортиры, обросшие лианами. Раз ночью я проснулся от взрыва и подумал, что это, наконец, горилла, но оказалось, что бродячие павианы нашли ящик запалов.

Негритянки в Лумии, не сдерживая стонов удовлетворения, избавились от лакированных туфель и дамских брюк, в которых было чертовски жарко. Группового секса как не бывало - во-первых, потому что вертолетов не будет, во-вторых, нет бензина, а в-третьих, никому никуда не надо ехать, да и зачем? Как тихо, должно быть, сейчас в Лумии...

По правде говоря, катастрофа оказалась вовсе не таким уж злом. Даже если кто-нибудь встанет на уши, все равно он не будет через час в Лондоне, через два в Бангкоке, а через три в Мельбурне. Ну, не будет - и что из того? Конечно, множество фирм обанкротилось. IBM, говорят, выпускает теперь таблички и номерки, но, может быть, это только анекдот. Нет ни стратегических компьютеров, ни самонаводящихся головок, ни цифровых машин, нет войны подводной, наземной и орбитальной. Информационные агентства трубили о спаде производства, биржи лихорадило, в октябре на Пятой Авеню бизнесмены выскакивали из окон так густо, что сталкивались в воздухе.

Перепутались расписания поездов и самолетов, заказы номеров в отелях. Никому в метрополиях не надо больше раздумывать, лететь ли, к примеру, на Корсику, или поехать в автомобиле, или нанять через компьютер машину на месте, а может быть, в три дня объехать Турцию, Месопотамию, Антильские острова и Мозамбик с Грецией в придачу...

Интересно, кто делает эти воздушные шары? Наверное, какие-то кустари. У последнего шара, который я наблюдал в бинокль, до того как у меня отняла его обезьяна, сетка была сплетена из очень коротких шнурков, вроде ботиночных - может быть, в Европе тоже стали ходить босиком? Наверное, длинные шнуры плелись под контролем компьютеров. Страшно сказать, но я своими ушами слышал - прежде чем радио замолчало, - что доллара

больше нет. Издох, бедняжка. Жаль только, что не довелось вблизи наблюдать Переломный Момент.

Представляю себе: слабый блеск и треск - и машинная память в мгновение ока стала пустой, как мозг новорожденного, а из информации, перешедшей в материю, неожиданно образовался маленький Космосик, Вселенчик, Мирозданчик - вот так в комочек атомного праха превратились знания, накопленные веками. Из радиопередач я узнал, как выглядит этот Микрокосмос, малюсенький и замкнутый так, что нет возможности в него проникнуть. С точки зрения нашей физики, он представляет собой особый вид пустоты, а именно "Пустоту Равноплотную, Полностью Непроницаемую". Он не поглощает света, его невозможно растянуть, сжать, разбить, вылущить, потому что он находится вне нашей Вселенной, хотя и внутри ее. Свет соскальзывает по его гладким закраинам, его обтекают любые частицы и, как ни трудно себе это представить, авторитеты утверждают, что оный, как его называет Донда, "Космососунок" является вселенной, во всем равной нашей, то есть содержит в себе туманности, галактики, звездные скопления, а, может быть, уже и планеты с развивающейся жизнью. Можно сказать, что люди повторили феномен Творения, правда, совершенно того не желая, ибо меньше всего стремились к такому результату.

Когда Космососунок появился на свет, среди ученых возникло полнейшее замешательство. Вот тогда они вспомнили о Законе Донды и принялись слать профессору письма, вызовы, телеграммы, а также всяческие почетные дипломы. Но как раз в этот момент профессор уложил чемоданы и уговорил меня уехать с ним в пограничный район, который он облюбовал заранее. С собой он взял кофр с книгами, ужасно тяжелый - я в этом убедился лично, потому что последние пять километров тащил его на себе, после того как у нас кончился бензин и вездеход застрял. Теперь от него, должно быть, ничего не осталось - разобрали павианы. У нас, конечно, был изрядный запас винтовок, инструментов, пил, гвоздей, компасов, топоров и других

вещей, список которых профессор составил, руководствуясь карманным изданием "Робинзона Крузо". Кроме того, он взял с собой подшивки журналов "Nature", "Physical Abstracts", "Physical Review", "Futurum", а также папки с газетными вырезками, посвященными Закону Донды.

Каждый вечер, после трапезы, проводился сеанс наслаждения кровной мезью. Радио, включенное на половину громкости, передавало самые свежие кошмарные известия с комментариями знаменитых ученых; профессор же, пыхтя трубкой и прикрыв глаза, внимал, как я зачитываю вслух выбранные на этот вечер наиболее ядовитые насмешки над Законом Донды, а также различную ругань в адрес автора (последние, собственноручно подчеркнутые Дондой посредством красного карандаша, я читал иногда по несколько раз). Признаться, это времяпровождение мне скоро надоело. Увы, даже великий разум может поддаться навязчивой идее. Когда я отказался читать вслух, профессор стал удаляться в джунгли на прогулки, будто бы оздоровительные, но как-то раз я застал его на поляне, где он цитировал толпе удивленных павианов наиболее примечательные места из "Nature".

Профессор стал невыносим, но все равно я с тоской жду его возвращения. Старый Марамоту говорит, что Бвана Кубва не вернется, потому что его похитил злой Мзиму, принявший облик осла. Перед отбытием профессор сообщил мне важные сведения, которые произвели на меня большое впечатление. Во-первых, из Закона Донды вытекает равнозначность всякой информации - будут ли сообщения гениальными или кретинскими, в любом случае на создание одного протона идет сто миллиардов битов. Мудрое слово и идиотское слово в равной степени становятся веществом. Это замечание в совершенно новом свете представляет философию бытия. Может быть, гностики со своим манихейством были не такими уж еретиками, какими их представила церковь? Однако возможно ли, чтобы космос, появившийся на свет от произнесения гептильона глупостей, ничем не отличался от космоса, созданного из заведомой мудрости?

Я заметил, что Донда пишет по ночам. С большой неохотой он признался мне, что это новый его труд "Introduction to Svarnetics, or Inquiry into the General Technology of Cosmoproduction".

К сожалению профессор забрал рукопись с собой. Знаю только, что, по его мнению, каждая цивилизация подходит в свое время к порогу творения космоса. Мир создают в равной мере те, кто сверхгениален, и те, кто впал в полный идиотизм. Черные и белые дыры, открытые астрофизиками, - это места, в которых необычайно мощные цивилизации попытались обойти Закон Донды или выбить из-под него основание, но ничего у них не вышло - сами себя вышибли из Вселенной.

Казалось бы, нет на свете ничего более великого, чем такое заключение. Но нет, Донда взялся писать методику и теорию Творения!

Признаться, более всего потрясли меня слова, сказанные им в последнюю ночь перед экспедицией за табаком. Мы пили молоко кокосовых орехов, заброженное по рецепту старого Марамоту, - ужасное пойло, которое мы все-таки употребляли, потому что жаль было трудов, потраченных на его приготовление. Не все было так плохо раньше - взять хотя бы виски... И вот, прополоскав рот родниковой водой, профессор сказал:

- Ийон, помнишь ли тот день, когда ты назвал меня шутом? Вижу, что помнишь. Я ответил тогда, что стал шутком в глазах научного мира, выдумав для сварнетики магическую суть. Но если бы ты поглядел внимательно на всю мою жизнь, то увидел бы еще большую путаницу и неразбериху, имя которой - тайна. В моей судьбе все было вверх ногами. Я весь вышел из случайностей, недоразумение - вот мое настоящее имя. В результате ошибки я создал сварнетику, потому что телеграфист наверняка искажил слова, которые употребил незнакомый мне, но незабвенный полковник Друфуту из кулахарской полиции безопасности. Я был уверен в этом с самого начала. Но я не пытался исправить депешу, нет, я сделал гораздо большее - я приспособил к ошибке свою деятельность, которая, как видишь, имела кое-какие последствия. Как же это получилось? Какой-то тип,

появившийся на свет по ошибке, с нелепой карьерой, впутанный в клубок африканских недоразумений, вдруг открыл, откуда появился мир и что с ним будет? О нет, мой дорогой! Здесь слишком много ляпсусов. Гораздо больше, чем нужно для того, чтобы вывести новый закон. Нет нужды пересматривать то, что у нас перед глазами, необходима лишь новая точка зрения. Взгляни на эволюцию жизни. Миллиарды лет назад появились праамебы. Что они умели? Повторяться. Каким образом? Благодаря устойчивости наследственных черт. Если бы наследственность была на самом деле безошибочной, на земле до сих пор не было бы никого, кроме амёб. А что произошло? Да ошибки! Биологи называют их мутациями. Но что такое мутация, как не ошибка природы? Недоразумение между родителем-передатчиком и потомком-приемником?

По образу и подобию своему, да, - но не в точности! Не стереотипно! И так как подобие все время портилось, появились трилобиты, гигантозавры, секвойи, козы, обезьяны и, наконец, мы.

Но ведь именно так сложилась и моя жизнь! Из-за недосмотра я появился на свет, случайно попал в Турцию, случай забросил меня оттуда в Африку. Правда, я все время боролся, как борется пловец с волнами, но все же волны несли меня, а не я руководил ими... Ты понимаешь? Мы недооцениваем, мой дорогой, творческой роли ошибки как фундаментальной категории бытия. Но не рассуждай по-манихейски. По мнению этой школы, бог творит гармонию, которой сатана все время подставляет ножку. Это не так! Если я достану табак, то допишу в книге философских течений последний раздел, а именно онтологию апостазы, или теорию такого бытия, которое на ошибке стоит, ошибку на ошибку отпечатывает, ошибками движется, ошибками творит - и в конце концов становится судьбой Вселенной.

Так сказал профессор, собрался и ушел в джунгли, а я остался ждать его возвращения, держа в руках последний "Плейбой", с обложки которого на меня смотрит секс-бомба, разоруженная Законом Донды, нагая, как истина.

(Stanislaw Lem. Profesor A.Donda (1976). Первод с польского - И.Левшин).